

НАУЧНОЕ ЛИДЕРСТВО

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА ДУШИНА

кандидат философских наук,
руководитель центра социолого-наукоедческих исследований,
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: sadushina@yandex.ru

АННА ВЯЧЕСЛАВОВНА КАМНЕВА

аспирантка факультета социологии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: kamnevanya@gmail.com

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ КУПРИЯНОВ

кандидат философских наук, научный сотрудник
центра социолого-наукоедческих исследований,
Санкт-Петербургский филиал Института
истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

ЛАДА ВЛАДИМИРОВНА ШИПОВАЛОВА

доктор философских наук, профессор кафедры философии науки и тех-
ники Института философии Санкт-Петербургского государственного
университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: l.shipovalova@spbu.ru

УДК 001.39

DOI 10.24411/2079-0910-2019-14004

Научное лидерство в контексте академического капитализма (российская перспектива)

В статье выявляются условия, способствующие конкурентоспособности и научному лидерству. Показано, что российская научная среда характеризуется организационным изоморфизмом, который есть результат государственной политики, целенаправленно и централизованно «имплантирующей» американскую систему академического капитализма в российский контекст. Дается реконструкция понятия «академический капитализм», под которым понимается «смена режимов знания», и эксплицируется его практическая реализация, выражающаяся в изменении конфигурации «государство — университет — частное предпринимательство». Результатом стало снижение роли государства в управлении научными исследованиями (дерегуляция) при возрастании роли рыночных отношений и социально-экономического механизма самоорганизации. Выявлено, что имплементация академического капитализма в российские организационные условия имеет свои особенности, обусловленные высокой степенью централизации и наличием иерархизированной бюрократической вертикали управления. Этот факт исключает гибкость и сужает всякого рода инициативу университетских подразделений. В центре внимания авторов статьи — результаты собственного эмпирического исследования, определенно показывающие, что реформирование науки сопровождается рядом негативных эффектов, создающих препятствия для продуктивной работы и конкурентоспособности научной среды. Делается вывод о специфическом «облике» академического капитализма в российской науке. С одной стороны, создаются организационные структуры по продвижению «экономики знаний»; с другой стороны, не происходит слияние публичного и частного секторов, университеты не превращаются в подобие частных корпораций с государственной поддержкой. В заключение формулируются меры, способствующие конкурентоспособности исследовательской среды. Авторы считают, что для формирования академического капитализма западного типа необходим определенный уровень развития экономики, которая будет предоставлять насыщенный потребительским спросом рынок для наукоемких технологий, разрабатываемых в стенах университетов и НИИ.

Ключевые слова: академический капитализм, научная политика, реформа науки, университеты, эффективность науки.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-511-00009 Бел-а «Научное лидерство и особенности его трансформации в условиях становления инновационной экономики в постсоветских странах (на примере России и Беларуси)». Данные получены на основании интернет-опроса, проведенного на базе ресурсного центра «Центр социологических и интернет-исследований» Научного парка СПбГУ.

Начиная с 1980-х гг. в США и странах ЕЭС (позже ЕС) — лидерах научно-технологического развития — произошла серьезная трансформация научно-образовательных институтов, обусловленная влиянием неолиберальной политики и распространением «экономики знаний». Суть этих изменений выражается в понятии

«академический капитализм», подразумевающим внедрение рыночной системы в сферу науки и образования с вытекающими последствиями: коммерциализацией, превращением результатов исследовательского труда в объекты интеллектуальной собственности, которую продают на рынке, выстраиванием образовательной и научной деятельности в перспективе снижения издержек и максимизации прибыли. Пионерами в этом направлении были американские университеты, которые активно взаимодействовали с бизнесом и передавали частным компаниям с целью внедрения и коммерциализации патентные права на результаты НИОКР, полученные за счет государственного финансирования. Это позволило американским университетам превратиться в ключевых игроков трансфера технологий.

Научная политика большинства стран ОЭСР подвержена неолиберальной идеологии и направлена на перестройку деятельности университетов в перспективе бизнес-модели, то есть изменяет университет по образцу частной корпорации. Провозглашается активная роль университетов и исследовательских институтов как центров экономического развития в соответствии с парадигмой экономики знаний, внедряются системы контроля, оценки эффективности и прочие атрибуты, заимствованные из рыночного сектора. Организационный изоморфизм наблюдается и в российской научно-образовательной системе, где государством в ходе ее реформирования были приняты меры, целенаправленно и централизованно иницилирующие институциональные изменения, свойственные современной западной научной политике (в странах ЕС и США), которые, по сути, «имплантируют» западную систему академического капитализма в российский контекст. При этом в программных документах, определяющих научную политику РФ, ставятся задачи, предполагающие обеспечить успешную конкуренцию России с ведущими мировыми технологическими лидерами (странами ОЭСР). В 2018 г. национальный проект «Наука» ставил три цели: войти в число пяти ведущих стран мира по приоритетным направлениям научно-технологического развития; обеспечить привлекательность работы в Российской Федерации для российских и зарубежных ведущих ученых и молодых талантливых исследователей; увеличить внутренние затраты на научные исследования и разработки за счет всех источников по сравнению с ростом валового внутреннего продукта страны. Ключевыми для нас являются два момента: лидерство и конкурентоспособность, под которой понимаются явные по отношению к другим академическим системам преимущества в организации научной среды. В Стратегии научно-технологического развития, принятой в 2016 г., постулируется среди прочего создать условия для проведения исследований и разработок, соответствующие современным принципам организации научной работы; сформировать эффективную современную систему управления в области науки; манифестируются принципы свободы и отказ от излишней бюрократизации. Иными словами, российская стратегия управления наукой декларирует улучшение организационных контекстов, в которых генерируется научное знание, что рассматривается как условие успеха РФ в глобальной гонке за научно-технологическое лидерство. Однако каким образом российское научное сообщество реагирует на продолжающийся процесс реформирования науки в духе «академического капитализма»? Как воспринимает свою ближайшую институциональную среду рядовой научный сотрудник — главный адресат проводимой реформы? Ответы на эти вопросы позволяют раскрыть особенности трансформации специфически западных форм научной политики в российском социальном контексте. Задачей данной статьи является исследование

особенностей имплементации зарубежного академического капитализма в российские организационные условия и изучение соответствующих изменений в научном сообществе. Под условиями следует понимать скорее не действующие причины, однозначно ведущие к определенным эффектам, но ту среду, которая, как правило, сопровождает научные достижения. Мы отталкиваемся от оценок организационной среды науки самими учеными и в этом смысле стремимся показать конечный результат тех решений в духе академического капитализма, которые были реализованы за последнее время.

«Академический капитализм»: идеология и практическая реализация в США

Понятие «академического капитализма», схватывающее трансформацию организационных форм науки, вводится в исследования по социологии и экономике науки в 1990-х гг. Важное значение для теории академического капитализма имеют работы Ш. Слотер, Л. Лесли и Г. Роадса. В монографии Ш. Слотер и Л. Лесли впервые дается подробный эмпирический анализ академического капитализма [*Slaughter, Leslie, 1997*]. Понятие академического капитализма описывает комплекс сдвигов (shifts) в сфере экономики и социологии науки, произошедших прежде всего в США после экономического кризиса 1973 г. и затем реализованных в научной политике администрациями Р. Рейгана, Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона [*Slaughter, Rhoades, 1996*]. Суть произошедших изменений понимается как «смена режимов знания»: происходит переход от знания как ориентированного на вклад в производство общего блага к знанию как продукту капиталистического производства, то есть как к «частному делу». Это обстоятельство приводит к «размыванию границ между рынками, государствами и высшим образованием» [*Slaughter, Rhoades, 2009, p. 11*], так что знание превращается из общего блага, производимого учеными ради целей постижения истины самой по себе или же ради некоей цели усовершенствования человечества (как это позиционируется в философии Нового времени), в частную собственность отдельных лиц, преследующих партикулярный интерес, связанный, прежде всего, с получением прибыли. «Режим общего (общественного) блага» Ш. Слотер и Г. Роадс определяют через такие мертоновские ценностные установки ученых, как «коммунизм, универсализм, свободная циркуляция знания и организованный скептицизм» [*Slaughter, Rhoades, 2009, p. 28*]. В противовес этому подходу академический капитализм «конструирует знание как частное благо, которое ценно для создания потоков высокотехнологичной продукции, приносящей прибыль в ходе ее циркуляции на глобальных рынках» [*Slaughter, Rhoades, 2009, p. 29*]. То есть концептуальная рамка теории академического капитализма опирается на противопоставление частного и публичного и на аналитику понятия ценности, связанного с этими двумя «режимами». Эту теоретическую проблематику можно считать сегодня по-прежнему одной из центральных для социально-экономических и философских наук. Ведь очевидно, что эти вопросы касаются таких важных тем, как общественный статус науки, социальная роль науки и ученых, общественная ценность научного знания — вопросов, которые так или иначе находили отражение в философской мысли, начиная с ее зарождения в античности.

На практике имплементация подходов академического капитализма вписывается в общее направление неоконсервативной политики американских администраций в 1980–1990-х гг., которое в своих идейных основах опирается на наследие классического европейского либерализма. Суть этих подходов заключается во всемерной поддержке частной инициативы, что предполагает политику приватизации, жесткой экономии, таргетирования инфляции и максимального стимулирования публичных организаций к самоокупаемости. Непосредственно в сфере научной политики эта тенденция нашла отражение в поддержке коммерциализации высшего образования. Отправной точкой для процессов коммерциализации и маркетинга американской науки считается принятие в 1980 г. закона Бей-Доула (Bayh-Dole Act) [Leydesdorf, Eitzkowitz, Kushnir, 2016], разрешившего университетам США регистрировать патенты на изобретения, источником финансирования которых являются правительственные фонды. Это нововведение, имевшее своей непосредственной целью углубление партнерства между некоммерческими организациями, в том числе университетами, и бизнесом, существенно упростило получение прибыли в результате коммерциализации научных разработок и послужило важнейшим фактором развития академического капитализма как научного предпринимательства. В дальнейшем на государственном уровне в США был принят целый комплекс законодательных актов, направленных на упрощение коммерческой деятельности университетов (введение специального налогообложения, разработка жесткого законодательства об интеллектуальной собственности, субсидирование научно-производственных партнерств), что привело к существенным изменениям организационного ландшафта американской науки [Slaughter, Rhoades, 1996]. При университетах стали возникать технопарки, бизнес-школы, управления по внедрению на рынке научных разработок, патентные управления, эндаумент-фонды, наблюдательные советы, экономические форумы, управления по поддержке стартапов, управления по оценке эффективности труда и пр. В исследовательской литературе чаще всего отмечаются следующие основные тенденции, связанные с развитием академического капитализма в США: 1) перераспределение финансирования в пользу тех отраслей науки, которые в большей степени поддаются маркетингу [Stein, 2004], то есть приоритетное финансирование STEM — Science, Technology, Engineering and Mathematics — в противовес циклу свободных искусств и социальным наукам [Slaughter, Rhoades, 2000]; 2) редукция смысла образования к профессиональной подготовке [Côté, Allahar, 2011]; 3) усиление роли менеджеров и широкое введение «менеджеристских» подходов к управлению наукой (new public management); 4) ухудшение трудовых условий ученых, связанных с увеличением доли краткосрочных позиций и уменьшением постоянных ставок (tenures); 5) уменьшение грантового финансирования обучения студентов в пользу образовательного кредитования [Slaughter, Rhoades, 1997]. Вот так образно аналитики оценивают последствия такого рода изменений: «Идеологические основы и материальные эффекты политики перешли от кейнсианских к мальтузианским принципам с диккенсовскими результатами» [Slaughter, Rhoades, 1997, p. 33].

Исследования по академическому капитализму имеют преимущественно «левый окрас» и подвергаются критике «типичные изъяны» капитализма, среди которых — фактическое неравенство, усиливающееся в условиях свободного рынка в пользу тех, кто уже обладает большими ресурсами [Ylijoki, Martilla, 2011]. Так, победителями в условиях академического капитализма оказываются наиболее пре-

стижные и известные университеты, в то время как у их менее известных конкурентов перспектива достижения сходного успеха весьма туманна. В прицел критики попадает пролетаризация труда ученого и общее ухудшение ситуации в области трудовых прав; искажение ценностного аспекта научной деятельности в пользу целевых установок, которые являются для нее чуждыми, а также повышение роли капиталиста (условного владельца предприятия — университета — и, соответственно, средств производства) при упадке роли производителя продукта (научного сотрудника) в управлении организацией (два последних аспекта входят в марксистское понятие отчуждения).

Специфика современной ситуации продиктована тем обстоятельством, что капитализм имеет более продолжительную историю, нежели то, что описывается сегодня в терминах американского академического капитализма, который представляет собой новый этап, эпизод развития капитализма в целом. Сегодня говорят об «интеллектуальном капитализме», об «умной экономике», где наукоемкое производство играет ключевую роль в производстве добавленной стоимости [Mirowski, 2011]. В этом контексте именно университет рассматривается как центр такого типа экономики, что и предполагает его максимальное вовлечение в рыночную деятельность. Считается, что ядром новой «умной экономики» становятся наука и ученые, что в итоге каким-то образом даст эффект в виде роста всеобщего благосостояния. Однако такого рода подход упускает из вида то, что университет теряет свою подлинную роль социального института, продуцирующего, прежде всего, знание, — это то, что Ш. Слотер и Г. Родс называют «сменой режимов знания»: наука исчезает в качестве социального организма, производящего общее благо. Причем понимание произошедшей трансформации не может быть сведено к точке зрения, согласно которой сегодня происходит то, что уже неоднократно имело место в истории науки, — перемещение центра тяжести в научной политике на прикладные исследования. Во-первых, академический капитализм оказывается общей рамкой социального бытия как фундаментальных, так и прикладных исследований, и, во-вторых, классическое понимание прикладных исследований отнюдь не сводится к тем финансовым эффектам, которые могут получить авторы практически-ориентированных разработок от их внедрения на рынке товаров и услуг. Даже «работа на пользу человечества» рассматривается в классической социальной философии науки (например, у Бэкона, Лейбница, Канта) как то, что работает в «режиме общего блага», тем более что практические разработки и прикладная наука имеют еще более продолжительную историю по сравнению с западным капитализмом как таковым.

Важной стороной академического капитализма является изменение роли государства в образовательной политике. Классическая либеральная философия предполагает ослабление роли государства в экономике и поддержку индивидуальной активности граждан, допуская правительственное вмешательство в экономику только лишь в особых случаях [Милль, 1981]. Это обстоятельство затрагивает проблематику академической свободы и автономии университетов, которая исторически рассматривается в качестве фундаментальной социальной ценности науки в целом. В теории либеральная политика направлена на поддержку свободы личности и университетской самоуправляемости. Именно такой смысл заложен в гумбольдтовский университетский проект: государство, согласно этому замыслу, должно только лишь оказывать поддержку незаинтересованному поиску истины, не вмешиваясь непосредственно в работу ученых [Гумбольдт, 2011]. Схожие мысли

об автономии научного сообщества можно найти и у других авторов (И. Кант, И. Г. Фихте). Политика академического капитализма предполагает возрождение классического либерализма, однако на практике она дает обратный эффект — утрату научным сообществом своей собственной автономии и формирование зависимости от решений, исходящих от аутсайдеров (менеджеров). Возникает своего рода коллизия: чем больше либеральной политики, тем меньше академической автономии и академической свободы в целом. То есть в результате распространения академического капитализма происходит своего рода перераспределение власти в пользу менеджеров, в то время как традиционные инструменты, обеспечивающие научную свободу, утрачивают силу [*Cantwell, Slaughter, 2012*].

Академический капитализм, ставящий под сомнение возможность академической свободы на институциональном уровне, меняет также и социальную роль ученого. Если университет трактуется как частная корпорация, эффективность работы которой определяется количеством прибыли или же какими-либо абстрактными показателями операциональной деятельности (например, количество патентов, индексируемых публикаций, студентов и пр.), которые удобны для менеджерского контроля за наукой, то сами научные сотрудники — преподаватели университетов превращаются в низшее звено исполнительного персонала, ответственного за производство конечного продукта (Ш. Слотер и Г. Родс обозначают новый статус научного сотрудника в условиях академического капитализма термином «*managed professionals*»). Однако еще более важным следствием академического капитализма является принципиально новое понимание научного сообщества. По другому поводу, но очень верно в контексте обсуждаемой нами тематики, В. Д. Зорькин пишет, что рынку «не нужны личности, включенные в системы социальных, в том числе наиболее устойчивых семейных, связей. Рынку нужны массы атомизированных потребителей, состоящих из носителей индивидуальных потребительских предпочтений» [Зорькин, 2019, с. 9]. Соответственно, академический капитализм неизбежно стремится превратить ученых и научное сообщество в такого рода атомизированных потребителей и производителей услуг, связанных между собой только лишь формальными связями. Ведь либеральная доктрина предполагает свободную, ничем не сдерживаемую конкуренцию индивидов, в результате чего победу одерживает наиболее сильный и способный. В организационной структуре науки это стремление проявляется в тенденции минимизировать традиционные неформальные коммуникации и неформальные связи между учеными. Это можно видеть, например, в широко распространившейся практике проведения процедур открытого замещения научных должностей в университетах США и ЕС: вводится некий набор показателей эффективности, которые соответствуют данной должности, далее соответствующее объявление размещается на открытых платформах, в том числе в профессиональных социальных сетях («*Academia.edu*», «*ResearchGate*»), где любой желающий в любой точке мира может подать заявление на конкурс, затем на основании заявленных показателей претенденты автоматически ранжируются, и в итоге побеждает тот, кто является «наиболее эффективным» с точки зрения заданных показателей работы, причем мнение профессионального сообщества (кафедр и факультетских советов) оказывается второстепенным, а мнение менеджеров, планирующих рыночную эффективность университета, становится определяющим. Так обеспечивается открытая конкуренция за научные должности, трудовые договоры по которым по большей части являются краткосрочными. Тенденция сокраще-

ния постоянных ставок в американских университетах свидетельствует не только о растущей свободе (flexibility) действий менеджеров (как полагают Ш. Слотер и Г. Родс), но также и о стремлении создать свободную конкуренцию научных ставок и должностей, что, как считается, способствует повышению эффективности организаций в их конкурентной борьбе за лидерство, которая понимается как получение грантов, субсидий, увеличение эндаумент-фондов и привлечение максимального количества платных студентов.

Возможность такой открытой конкуренции между научными сотрудниками ставит под сомнение академическую корпоративность, социальную привязанность и даже клановость (см. в истории науки пример подобного типа социальных отношений: [Свешников, 2010]), которые заменяются рациональными (по терминологии М. Вебера), «внешними» связями. Академический капитализм в полном соответствии с либеральной идеологией стремится обеспечить всеобщее правовое равенство, в рамках которого каждый индивид, полагаясь исключительно на свои способности, может реализовать себя в выбранной сфере деятельности. Предполагается, что в совокупности такое взаимодействие индивидов порождает всеобщее благо. Однако ученый в результате превращается, говоря словами М. Вебера, в «импресарио самого себя», который вынужден не столько заниматься получением нового знания, сколько продвигать себя на глобальном рынке идей [Вебер, 1990]. Научное сообщество теряет смысл collegium'a, или ученого братства, республики ученых, и заменяется моделью абстрактных рациональных связей индивидуумов (механическое понимание общества, свойственное в целом классической либеральной политической философии: [Евлампиев, Куприянов, 2016]). «Современная наука, — как пишет в связи с этим Дж. Германович, — иронически может рассматриваться как культура без сообщества. Профессора все больше понимают себя и свою работу в терминах свободного действия, ориентации на рынок и интересуются, прежде всего, если не целиком, сами собой. Идея коллегия, которая когда-то выступала организующим принципом научной профессии, стирается» [Hermanowicz, 2016, p. 324].

Академический капитализм представляет совершенно новый тип социальной организации науки — более коммерциализированной, более формальной в смысле того типа социальных отношений, которые доминируют между учеными. Он предлагает новый нарратив образования и новую философию, которую Б. Ридингс связывает с крахом «больших нарративов», определявших, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, образование эпохи модерна. Теперь же в условиях постмодернизма наука превращается в услугу, а научные организации рассматриваются как ее поставщики. «Университет, — пишет Б. Ридингс, — в свою очередь становится транснациональной бюрократической корпорацией, либо связанной с транснациональными инстанциями управления, такими как Европейский союз, либо функционирующей независимо по аналогии с транснациональной компанией» [Ридингс, 2010, с. 12]. Обозначенные нами социальные процессы являются, возможно, неизбежным следствием современной ситуации социального бытия науки, что и подвергается критике марксистской направленности; ведь мы должны отдавать себе отчет в том, как точно показал Д. Прайс в книге «Малая наука, большая наука», что мы живем в эпоху массовизации науки, масштабной пролиферации ее социальных институтов и глубокой интеграции науки в повседневную жизнь [Price, 1963]. В этих условиях научный капитализм оказывается своего рода ответом на сложившееся положение дел.

Государственный академический капитализм (оценка российской микросреды)

В том или ином виде представленная выше тенденция развития академического капитализма может считаться превалирующей в современном зарубежном образовании и в науке. Российское правительство в борьбе за лидерские позиции на мировом рынке стремится реформировать научно-образовательные организации по образцу успешных зарубежных. Попробуем провести оценку характера происходящих на микроуровне изменений.

Мы исходим из того, что российская ситуация в области образования и науки в силу известных исторических причин отличается от таковой в странах ОЭСР по ряду важнейших параметров, среди которых на первое место выходит высокая степень централизации и наличие иерархизированной бюрократической вертикали управления, упирающейся в органы центральной (федеральной) власти. Как следствие — в условиях академического капитализма актуализируется государственное регулирование науки, ставящее под угрозу автономию научных исследований. В результате социальные системы, построенные по этому принципу, характеризуются низким уровнем социальной энтропии, то есть слабой восприимчивостью к отклонениям от заданного правилами порядка действий и меньшим числом допустимых состояний. В этом отношении организации, управление которых осуществляется средствами бюрократизированной централизованной модели, плохо адаптируются к тому обстоятельству, что человеческое поведение (даже коллективное) оказывается, говоря математическим языком, системой с высокими степенями свободы и неопределенности.

Для выявления специфики профессиональной микросреды в апреле-мае 2019 г. на базе ресурсного центра СПбГУ был проведен целевой онлайн-опрос преподавателей высших учебных заведений и сотрудников исследовательских институтов ($n=323$), представляющих разные научные направления (рис. 1)¹. В выборку вошли три статусных университета и пять исследовательских институтов РАН. Опрос был направлен на выявление особенностей организации исследовательской среды, которая, наряду с финансированием и наличием квалифицированных кадров, является важнейшим условием конкурентоспособности национальной академической системы. Мы ставили перед собой задачу — сравнить особенности организации научной деятельности в университетах и академических институтах с тем, чтобы зафиксировать эффекты научной политики, направленной на усиление исследовательской роли университетов на карте российской науки. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием программы SPSS. Среди участников опроса 97% отметили, что занимаются научно-исследовательской работой, и в результате именно им было предложено ответить на вопросы об организационных и институциональных особенностях исследовательской среды.

Подавляющее число респондентов работают по срочному контракту (рис. 2). Очевидно, что условия найма в университетах менее благоприятны для ученых, чем

---

¹ Источником данных в этом и в последующих случаях, если не оговаривается иное, являются расчеты авторов по результатам социологического опроса, проведенного специалистами Ресурсного центра «Центр социологических и интернет-исследований» Научного парка СПбГУ.

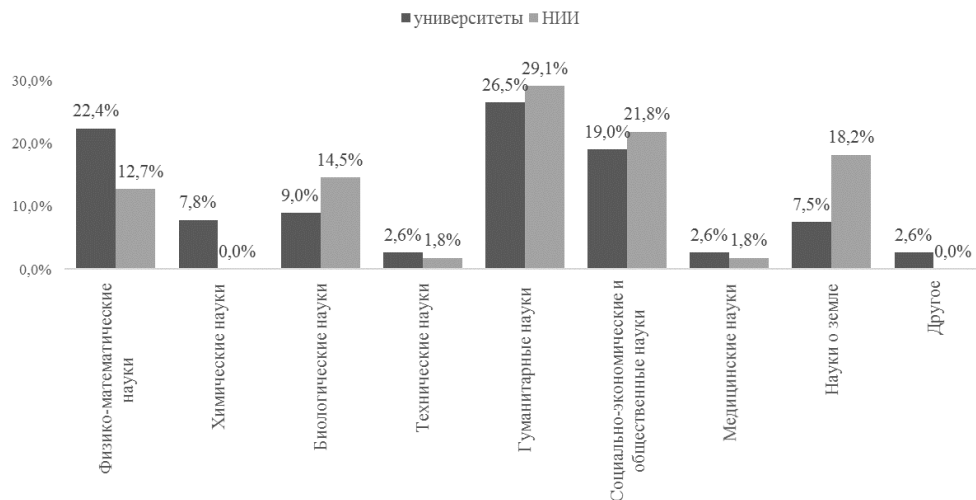

Рис. 1. Распределение направлений научной деятельности респондентов

в академических институтах, где чаще практикуются пятилетние и бессрочные контракты. Как следует из ответов наших респондентов, бессрочные контракты в обследуемых нами университетах — это большая редкость, при всем том, что даже бессрочный контракт, заключенный в университете, предполагает возможность его расторжения, если не будут выполнены определенные требования по показателям научной продуктивности. То есть открытые конкурсы на вакансии и срочные контракты, неотъемлемые атрибуты академического капитализма, вводятся в российскую научно-образовательную среду.

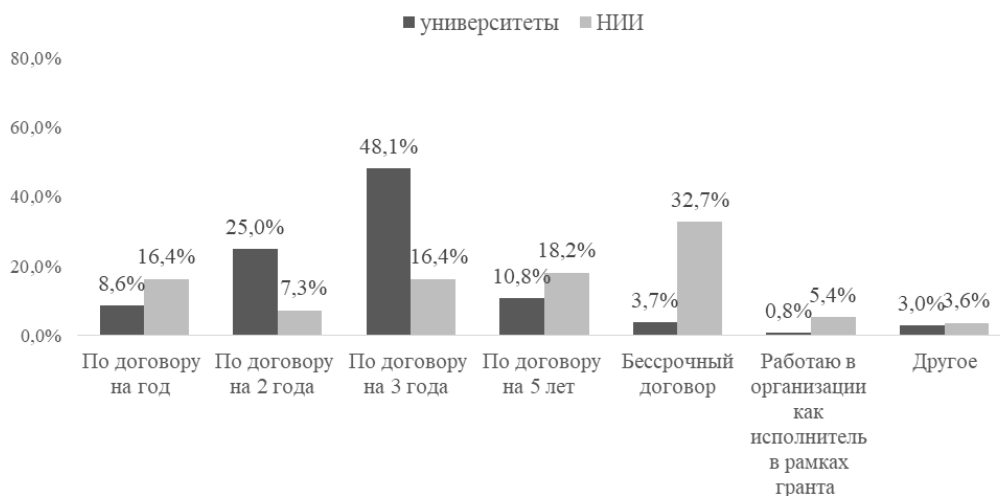

Рис. 2. Условия найма респондентов

Согласно полученным данным, 27% респондентов, представляющих университеты, являлись руководителями проектов на момент проведения опроса. Среди представителей НИИ доля руководителей проектов значимо выше – 40,7% (рис. 3)². Обратная ситуация наблюдается в отношении непроектных форм научной деятельности: среди сотрудников вузов доля работающих над темой вне проекта выше, чем среди сотрудников НИИ (60,6% против 40,7% соответственно). Это обстоятельство может свидетельствовать о больших сложностях в получении целевого финансирования научных исследований в университетах.

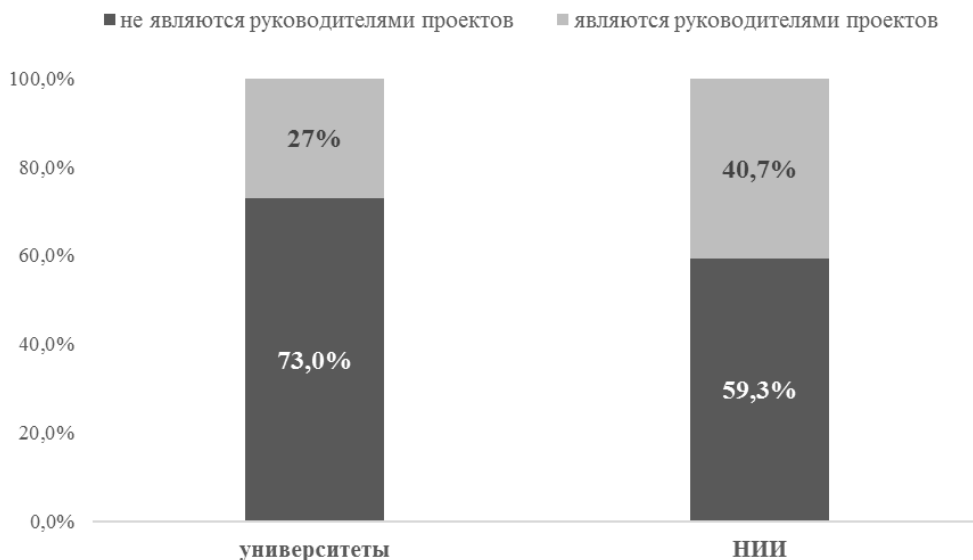

Рис. 3. Доля руководителей проектов среди работников университетов и НИИ

Определенным маркером инновационности среды и востребованности результатов интеллектуальной деятельности в обществе являются источники финансирования исследовательских проектов. Включенность *частного* бизнеса в процесс создания и внедрения прикладных научных разработок — важнейшая особенность западного академического капитализма, которая показывает степень вовлеченности научных организаций в индустрию и, соответственно, уровень коммерциализации науки. Также этот показатель является признаком, демонстрирующим степень развитости «экономики знаний». В результате исследования было выявлено, что лишь примерно десятая часть проектов финансируется бизнесом (рис. 4). Опрос подтверждает слабую диверсифицированность финансовых источников; основным «спонсором» проектов является государство. В связи с этим отметим: в университетах США существует «прочная и диверсифицированная финансовая база», в то время как в России на долю федерального правительства через конкурсное финансирование приходится более половины (в 2015 г. — 55%) всех расходов, однако

² Различия значимы на уровне 0,05.

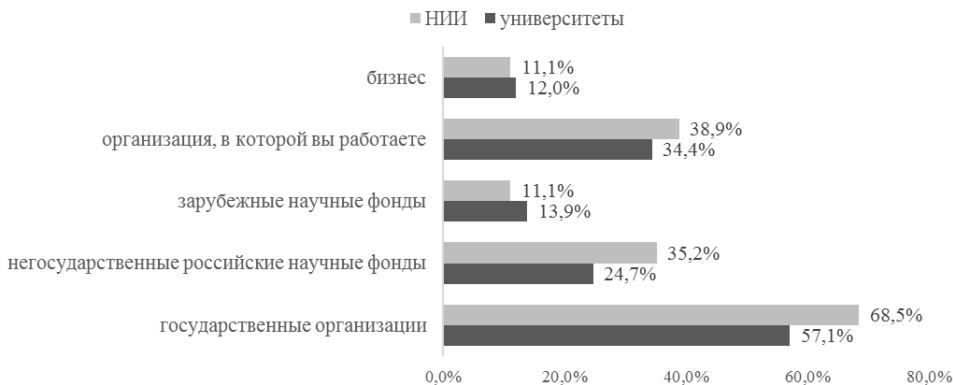

Рис. 4. Основные источники финансирования

с каждым годом эта доля сокращается [Российская экономика в 2018 году, 2019, с. 525]. Из этого факта проистекает заключение о преимущественно государственном характере российского академического капитализма. Если прикладные научные разработки³ осуществляются благодаря госфинансированию, это говорит о том, что не частный бизнес, а именно государство выступает тем актором, который осуществляет внедрение научных разработок на рынке.

Характеристика источников финансирования является важным признаком включенности науки в производственные циклы. Тем не менее более точная информация о связи науки с экономикой и бизнесом может быть показана в результате конкретизации специфики исследований, проводимых респондентами (рис. 5, 6). Более половины опрошенных (как в НИИ, так и в университетах) указали, что они занимаются «фундаментальными исследованиями, которые в будущем могут иметь прикладное значение». Четверть опрошенных ученых (29,3% в университетах и 21,0% в НИИ) ответили, что «занимаются решением практических задач» и «работают над их внедрением», и лишь 5,5% в университетах и 13,2% в НИИ ответили, что выполняют заказы, которые предназначены к внедрению. Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что российские научные организации (университеты и НИИ) по-прежнему остаются «цитаделями чистой науки» (рис. 5), а непосредственная связь с экономикой характеризуется весьма слабой интенсивностью. Факт слабой связи с бизнесом и явная тенденция в сторону фундаментального характера исследований свидетельствуют о практически начальной стадии зарождения в России академического капитализма, поскольку важной чертой американского академического капитализма является глубокое «внедрение» частного бизнеса в процесс научных разработок в интересах их коммерциализации. То есть в этих данных можно усмотреть признаки того, что именно государство, а не частный бизнес играет существенную роль в разработках российских ученых.

³ Здесь и далее под понятиями «наука», «научные разработки» применительно к российскому контексту имеется в виду гражданская наука, базирующаяся в университетах и академических НИИ.

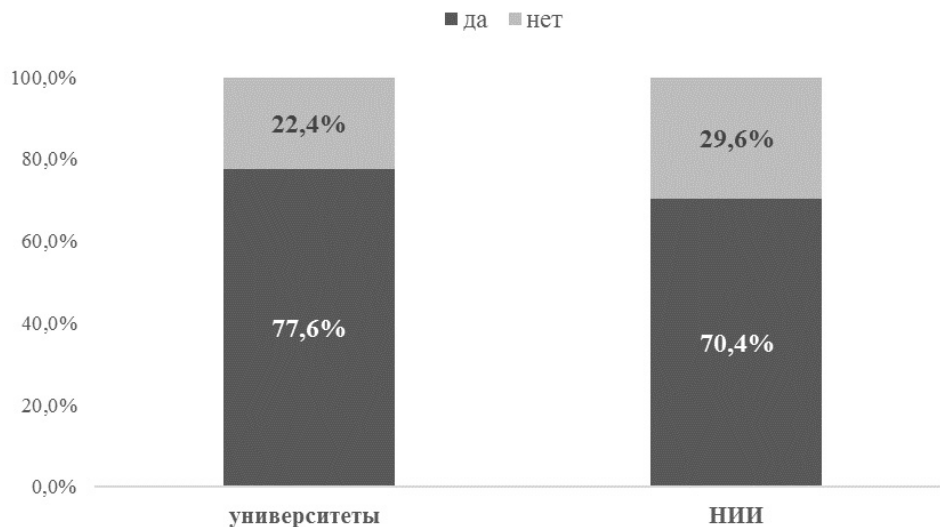

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Подразумевает ли Ваша научно-исследовательская работа прикладное значение?»

Рис. 6. Типы ориентации исследований на прикладное применение

При этом обнаружилось, что респонденты, чья научно-исследовательская работа имеет прикладное значение, такой канал финансирования как бизнес отмечают чаще, чем те, чьи исследования не носят прикладного характера, хотя и здесь видно, что в целом финансирование научных разработок со стороны бизнеса является весьма низким (табл. 1).

Таблица 1. Источники финансирования в зависимости от наличия или отсутствия прикладного значения НИР

	Подразумевает ли Ваша научно-исследовательская работа прикладное значение? ⁴	
	Да	Нет
Каналы финансирования	% по столбцу	% по столбцу
Государственные организации	58,2 %	62,2 %
Негосударственные российские научные фонды	28,0 %	21,6 %
Зарубежные научные фонды	12,6 %	16,2 %
Организация, в которой вы работаете	36,0 %	32,4 %
Бизнес	14,6 %	2,7 %
Другое	9,2 %	6,8 %
Затрудняюсь ответить	9,2 %	10,8 %

Важным показателем, отражающим институциональную среду научных организаций и характеризующих то, насколько их внутренний климат благоприятен для работы сотрудников, является оценка барьеров, с которыми они сталкиваются в своей профессиональной деятельности, связанной с той или иной научной институцией. Сотрудники университетов в качестве главных барьеров называют «излишнюю бюрократизированность научно-организационной работы», «плохое финансирование», «избыточную преподавательскую нагрузку» и «некомпетентность руководства». Научные работники исследовательских институтов — «излишнюю бюрократизированность научно-организационной работы», «плохое финансирование» и «плохую оснащенность материальной базы» (табл. 2). Следует отметить, что похожая ситуация констатировалась в 2014 г. [Душина, Хватова, Николаенко, 2015, с. 21], а также в 2016 г.⁵, когда значительная часть респондентов считала избыточный контроль и бюрократизацию (70,3%), а также недостаточное финансирование (в том числе заработную плату) (66,9%) препятствиями к развитию исследований. Тогда же было выявлено, что для подавляющего большинства респондентов (83%) «жесткая централизация управления НИР» не приводит к развитию научных исследований.

Исходя из ответов наших респондентов, оценка барьеров в университетах и институтах сходная, но определенные различия в средних значениях все же есть. Например, состояние инфраструктуры в обследуемых академических институтах хуже, чем в университетах, в то время как в университетах более высокие средние значения получает «излишняя бюрократизированность научно-исследовательской работы». Более высокое среднее значение «плохой оснащенности материальной базы» респондентами — сотрудниками институтов объясняется недостаточным финансированием академических институтов, и политикой переноса центра научной

⁴ Сумма процентов по столбцу превышает 100%, так как в вопросе использован метод множественной дихотомии.

⁵ Исследование проводилось в рамках проекта под руководством Л. В. Шиповаловой «Проблема эффективности научных исследований: философский и исторический контексты», поддержанного РГНФ (№ 15-03-00572). Некоторые данные представлены в коллективной монографии [Биргер и др., 2016, с. 9–46].

базы в университеты. Поэтому их доступность, по оценкам респондентов из НИИ, оказывается более затруднительной, чем для представителей университетов. Вместе с тем исследовательская техника и технологии становятся внутринаучным фактором получения нового знания, создают новую культуру. Научные группы без современных приборов, компьютерных программ, вовремя доставленных реагентов с точки зрения результативности научной работы заведомо обречены на отставание. Техническая отсталость постепенно снижает квалификационный уровень исследователей и формирует маргинальные слои научного сообщества [*Несветайлов*, 1990, с. 52]

Таблица 2. Оценка барьеров для научной деятельности
(шкала: 1 — «совершенно не мешает», 5 — «очень мешает», 0 — «не сталкивался»)

	Средняя оценка для университетов	Средняя оценка для НИИ
Плохая оснащенность материальной базы	2,85	3,26
Нехватка научной литературы	2,19	2,54
Затрудненность доступа к ресурсным центрам	2,19	2,48
Плохое финансирование	3,93	4,46
Излишняя бюрократизированность научно-организационной работы	4,67	4,59
Некомпетентность руководства	3,1	2,76
Несовершенное знание иностранного языка	2,29	2,56
Невостребованность результата в экономике	2,26	1,96
Сложность внедрения	2,07	1,85
Отсутствие компетентных кадров (технический персонал и иной вспомогательный)	2,44	2,56
Избыточная преподавательская нагрузка	3,15	1,87
Отсутствие работы со студентами и аспирантам	1,84	1,76
Административные обязанности	2,51	2,41
Отсутствие возможности зарубежных командировок	2,56	2,72

Для целей нашего исследования было важным определить лидеров среди ученых и проанализировать их оценку условий научной работы. Мы исходили из социальных маркеров лидерства, связанных с признанием научного сообщества, среди которых — руководство проектами, членство в редколлегиях зарубежных журналов. Оценки условий среды учеными, имеющими символический капитал в виде признания, по сути, не отличаются от оценок тех, кто не обладает таковым, — в обоих случаях респонденты относительно хорошо оценивают возможности доступа к научной литературе и обсуждения исследовательских проблем с коллегами (табл. 3). Хуже других оцениваются международная академическая мобильность и административное сопровождение исследовательской деятельности. То есть организация международной академической мобильности и качество работы сопровождающего персонала (менеджеров) также можно рассматривать как в некоторой степени препятствующий научной работе фактор.

Таблица 3. Оценка условий научно-исследовательской работы в зависимости от участия респондентов в редколлегиях научных журналов

Состоите ли Вы на данный момент в редколлегиях российских журналов?		Условия для научно-исследовательской работы				
		Оборудование	Доступ к литературе (в том числе к электронным библиотекам)	Возможность обсуждения разрабатываемой мною проблемы на профессиональном уровне с коллегами	Административное сопровождение	Международная академическая мобильность
Да	Среднее значение	3,20	3,75	3,67	2,81	2,48
	Стандартное отклонение	1,479	1,357	1,378	1,369	1,230
Нет	Среднее значение	3,18	3,88	3,67	2,51	2,69
	Стандартное отклонение	1,301	1,189	1,203	1,268	1,240
Всего	Среднее значение	3,19	3,84	3,67	2,60	2,63
	Стандартное отклонение	1,353	1,239	1,254	1,303	1,238

Международная академическая мобильность требует отдельного анализа, поскольку во многом современные подходы к научному менеджменту и научной политике нацелены на поддержку мобильности ученых. (См.: программные документы европейской комиссии в области научной политики [Communication from the European Commission], [European Policy Cooperation] — академическая мобильность понимается в качестве фактора «обогащения» исследований на каждом уровне образования и карьерного продвижения университетских исследователей. В данном случае предполагается, что академическая мобильность способствует созданию более конкурентного рынка труда и конкурентности университетов в рамках академического капитализма; конечной целью является содействие научному лидерству ЕС.) В российских условиях этот показатель является также маркером интегрированности российской науки в мировую и интенсивности сотрудничества российских ученых с иностранными коллегами. С целью определить, какие факторы влияют на научное сотрудничество, обратимся к корреляционному анализу (для этого воспользуемся функцией Гамма в SPSS). Участие респондентов в совместных проектах с ведущими научными группами отрицательно коррелирует с таким параметром, как выступления с лекциями на научных мероприятиях ($\gamma = -0,326$), а также с оценками сложности внедрения результатов ($\gamma = -0,234$) и избыточной преподавательской нагрузки ($\gamma = -0,227$). Можно сказать, что участие респондентов в совместных проектах с ведущими научными группами связано с низкой оценкой этих параметров. Работа и стажировка в центрах, где трудятся ведущие ученые, зависит от того, насколько высоко респонденты оценивают условия для международной академической мобильности ($\gamma = 0,272$), а также от того, насколько сильно им мешают барьеры в виде некомпетентности руководства ($\gamma = 0,231$) и отсутствия компетентных кадров ($\gamma = 0,253$) в организации, где они работают. Обратная ситуация

наблюдается в отношении владения иностранными языками: низкая оценка несовершенства знания иностранного языка вносит вклад в работу и стажировку ученых в ведущих исследовательских центрах. То есть можно сделать вывод, что для повышения степени включенности российской науки в деятельность ведущих зарубежных центров следовало бы проводить политику поддержки целевой международной мобильности, в то время как некомпетентность руководства (как части бюрократической машины научного управления) является для этого препятствием. Связь с другими параметрами отражена в таблице ниже (табл. 4).

Таблица 4. Вклад отдельных параметров в сотрудничество с ведущими научными группами

		«Сотрудничаете ли Вы с научными группами, которые, по Вашему мнению, являются ведущими в области Ваших исследований?»	
	Параметр	Гамма (Gamma)	Примерная значимость (p)
		<i>Участвовал в совместных проектах</i>	
Участие в научных мероприятиях	Выступление в качестве приглашенного лектора	-0,326	0,000
Барьеры	Сложность внедрения результатов	-0,234	0,011
	Избыточная преподавательская нагрузка	-0,227	0,003
		<i>Работал / стажировался в этих центрах, где работают ведущие ученые</i>	
Условия для НИР	Международная академическая мобильность	0,272	0,002
Барьеры	Некомпетентность руководства	0,231	0,013
	Несовершенное знание иностранного языка	-0,225	0,014
	Отсутствие компетентных кадров	0,253	0,007
		<i>Есть совместные публикации</i>	
Участие в научных мероприятиях	Выступление в качестве приглашенного лектора	-0,268	0,003
Барьеры	Некомпетентность руководства	0,202	0,014
		<i>Нет, но я над этим работаю</i>	
Участие в научных мероприятиях	Выступление в качестве приглашенного лектора	0,276	0,007
Барьеры	Отсутствие возможности зарубежных командировок	0,259	0,003

На пути к научному лидерству

Внедрение принципов западного академического капитализма в России осуществляется *административно-командными методами*. Между тем в США этот процесс происходил инкрементально и во многом незапланированно, зачастую опережая принятие соответствующих законодательных решений и под влиянием негосударственных организаций, в тесной связке с коммерческим сектором. В ЕС движение к академическому рынку оказалось в большей степени результатом политики еврокомиссии [Cantwell, Slaughter, 2012]. Из этого можно заключить, что хотя академический капитализм в США и ЕС есть результат продуманной политики государства, которое снимает с себя бремя связанных с финансированием науки обязательств [Jessop, 2017; Park, 2012], роль государственного вмешательства в формирование академического рынка не стоит преувеличивать. В России же достижение заявленной цели вхождения в число международных лидеров и введение принципов академического капитализма в значительной степени осуществляется средствами бюрократического регулирования, или, как принято говорить, «вертикали власти». Реакцию на эту особенность российской научной политики мы находим в оценке учеными бюрократии как препятствия для научной работы. При этом уровень международной академической мобильности, а также степень связи российской науки с бизнесом остаются низкими. Российскую институциональную среду, как это видно из данных нашего опроса, характеризует низкая гибкость аппарата управления. По сути, в России на данном этапе пока не сформировалось такое явление, как научный менеджмент (в распространенном американском понимании этого термина). В этих условиях трансплантация американских управленческих практик и стратегий научной политики, осуществляемая «сверху», представляется искусственной, а создание разного рода организационной инфраструктуры для поддержки того типа науки, который получил распространение в трансатлантическом сообществе государств, оказывается во многом чуждым для общего положения дел в российской экономике и науке. В этом отношении развитие академического капитализма путем копирования западных организационных форм показывает свою низкую эффективность. Научная политика в таком случае направлена не на улучшение среды для занятия наукой и создание комфортных и привлекательных условий для работы, а на управление деятельностью большой массы людей для достижения государственных целей. В этих условиях невозможно говорить применительно к российскому контексту о полноценном академическом капитализме западного типа, поэтому многие проблемы, с которыми в этих условиях сталкиваются ученые в США и ЕС, оказываются неактуальными для их российских коллег, а возможные сходные социальные процессы в науке (например, сокращение постоянных ставок) вызваны иными причинами. Более того, преимущественно государственный характер российской науки говорит о весьма специфическом «облике» российского академического капитализма. С одной стороны, поддерживается ориентация российских научных организаций на прикладные разработки и на интеграцию с экономикой (например, создание малых инновационных предприятий (МИП), получение стартапов, поддержка бизнес-форумов, бизнес-инкубаторов при университетах); также по западному образцу создаются организационные структуры по продвижению «экономики знаний», поощряется коммерческая деятельность вузов (например, через продвижение платного

образования и образовательного кредитования, через включение коммерческой деятельности в структуры оценки эффективности деятельности научных организаций). С другой же стороны — для России нехарактерно слияние публичного и частного секторов, то есть университеты и НИИ, даже коммерциализируясь, не превращаются в подобие частных транснациональных корпораций с государственной поддержкой, как это преимущественно имеет место в США.

Государственный характер российской науки предполагает слабую организационную гибкость. В то же время, как показывают зарубежные исследования в области социологии науки, в условиях академического капитализма разработка передовых научных технологий в интересах рынка по-прежнему обусловлена тем, насколько гибко организации могут реагировать на исследовательские потребности ученых. Анализируя институциональные и организационные факторы, способствующие крупным открытиям в области биомедицины, генетики и наноматериалов, ученые приходят к выводу, что сильная институциональная среда, следствием которой является организационный изоморфизм, снижает исследовательскую автономию и гибкость [Шиповалова, Душина, 2018, с. 172]. Вместе с тем крупные открытия в биомедицине были сделаны в большинстве своем в небольших организациях с высокой степенью автономии, адаптивной способности и гибкости. Со временем небольшие организации, как правило, склонны к укрупнению, расширению бюрократии и все большей дисциплинарной дифференциации, что усложняет процедуры научной коммуникации и унифицирует исследовательские практики. Установлено, что в крупных научных коллективах лидеры вынуждены тратить больше времени на административные дела, что отвлекает их от исследовательской работы и ослабляет связь между членами группы. Важным условием научного прорыва Т. Хайнце считает междисциплинарные организационные контексты, а также социальные механизмы, способствующие снятию ведомственных границ [Heinze et al., 2009]. Этот тип среды предоставляет уникальные возможности для сотрудничества и оказывается влиятельной силой инновационной деятельности, способствует возникновению новых идей и даже дисциплин [Edge, 1977; Law, 1973; Lungeanu, Contractor, 2015; Tell et al., 2016]. Погруженность малой научной группы в исследовательский контекст с необходимым научным разнообразием исследователи оценивают как решающий фактор при обсуждении возможных путей решения проблем с высокой степенью риска. Еще одним фактором, способствующим научному событию (открытию), является установление коллаборативных связей за пределами организации.

Деятельность высокопродуктивных групп с точки зрения их коммуникативных особенностей в свое время изучали Б. Ч. Гриффит и Н. Ч. Маллинз. Они также подчеркивали необходимость междисциплинарных связей, которые актуализируются в периоды научных кризисов, теоретических расколов, когда осуществляется работа над формированием новой концепции, созданием новой методологии [Гриффит, Маллинз, 1976]. Подчеркнем, что значение такого рода связей обнаруживается в контексте кризиса или революционных научных изменений в куновском смысле. Их существование сменяется периодами дисциплинарной стабилизации, переходом к нормальной науке, где «новизна» ограничивается решением задач в рамках существующей парадигмы. В такой ситуации пропадает необходимость коммуникации высокого уровня. «Институционализация <...> уменьшает степень антагонизма группы по отношению к другим ученым и ослабляет групповую идентичность, а это обычно означает возвращение достигшей успеха группы к состоянию, нормально-

му для науки, то есть к структуре со слабой сетью связей. Таким образом, платой за успех группы — независимо от того, означает ли успех достижение специфических целей группы или принятие новой “групповой” точки зрения всей дисциплиной, — является ее смерть как особой социальной и интеллектуальной единицы» [там же, с. 149–150].

Если отталкиваться от успешного опыта стран-лидеров научно-технологических разработок (США), становится очевидно, что управленческие стратегии должны быть направлены, прежде всего, на создание благоприятной среды, без которой вряд ли возможно научное лидерство и конкурентоспособность российской науки на мировой карте. Одно дело — объективированная наука, выражающаяся в различных индикаторах, другое дело — микросреда, которая не поддается количественной оценке. Полученные в ходе исследования данные позволяют заключить, что провозглашенные в Стратегии научно-технологического развития задачи — отказ от излишней бюрократизации и создание эффективной системы управления — на данный момент далеки от решения. Новый класс управленцев — менеджеры — в случае российской организации науки превращается в бюрократических служащих. Однако новый тип управления (менеджериализм) возник как антитеза бюрократической модели и был направлен на создание аппарата управления, который работает эффективнее и стоит дешевле. Д. Осборн и Т. Гэблер в совместной работе, посвященной предпринимательскому подходу к управлению государственным сектором, сформулировали три ключевых задачи новой политики государственного управления (New Public Management — NPM): удешевление политико-административного аппарата, результативность (работать при малых затратах, обеспечивая максимум результата) и повышение эффективности управления (удовлетворение общественных потребностей) [Osborne, Gaebler, 1992]. В случае российских университетов введение NPM обернулось усилением административного ресурса. В итоге, как показывают результаты нашего исследования, в крупных российских университетах вместо профессионального научного менеджмента складывается забюрократизированная среда [Khvatova, Dushina, 2017].

Заключение

Вхождение российской науки в число лидеров и ее интеграция в глобальные процессы в области научных разработок предполагают в том или ином виде связь с современной западной наукой, которая, как мы стремились показать, оказывает существенное влияние на отечественную научную политику. Ориентация на конкурентность российской университетской и академической науки (НИИ РАН) неизбежно отсылает нас к вопросу об академическом капитализме как о ключевой характеристике современной социальной среды в западной науке. Как показывает наше исследование, отечественная наука имеет ряд существенных, исторически обусловленных особенностей, которые влияют на специфику российской рецепции западных форм социальной организации. К таковым можно отнести сильную, определяющую роль государства и его институтов при слабой развитости частного сектора экономики и негосударственной науки. Именно государство выступает главным инициатором преобразований российской науки в духе академического

капитализма. Традиционно основными функциями государства относительно науки были финансовая, материально-техническая и информационная поддержка науки [Несветайлов, 1990, с. 52]. Тем не менее современный академический капитализм означает снижение роли государства в управлении научными исследованиями при возрастании роли рыночных отношений и социально-экономического механизма самоорганизации. Либеральная политика внедрения рыночных отношений предполагает дерегуляцию и максимальное снятие каких бы то ни было препятствий для личностной самореализации. В противовес этому наблюдаемая нами в российских условиях централизация и бюрократизация научного управления минимизирует гибкость и сужает всякого рода инициативу университетских подразделений. В российском случае государство по-прежнему берет на себя руководящие функции — определяет целевые показатели публикационной активности, и «майские указы» становятся ориентирами для научной деятельности. Но управление с помощью указов и поручений не только влечет за собой низкую результативность такой политики, но и означает ограничение личной свободы, которая понимается в качестве фундамента капитализма. При этом снижается роль научного сообщества и самоорганизации научной среды, сокращается общественное участие в управлении организациями, усиливается институциональный контроль.

Ввиду сказанного наиболее оптимальным направлением научной политики можно было бы признать улучшение институциональных и организационных условий работы научных сотрудников. Из данных нашего исследования вытекает, что такие улучшения должны затрагивать дерегуляцию, улучшение материально-технической базы и доступа к ней, улучшение качества административного сопровождения, повышение финансирования, оптимальное соотношение педагогической и научно-исследовательской составляющих в работе университетских ученых и, конечно, предполагают поддержку международной академической мобильности (это давняя традиция в истории российской науки) [Петров, 2003; Иванов, 2016]. Также на состоянии российской науки положительно сказалось бы улучшение трудовых условий научных работников. Так, в ситуации сокращения постоянных ставок в западных университетах наиболее привлекательной для ученых оказывается та академическая система, в которой (при прочих равных условиях) наиболее распространены бессрочные контракты, что является несомненным ее конкурентным преимуществом. Что же касается прикладных разработок — полученные нами данные однозначно свидетельствуют в пользу слабости связей российской науки с экономикой, а также в пользу того, что российские научные организации в большей степени склонны к разработкам в области фундаментальных исследований. Вряд ли это можно считать недостатком, однако для академического капитализма такая направленность исследований нехарактерна, поэтому в данном случае внедрение рыночных принципов повлекло бы за собой существенное изменение в специфике научных исследований, результат чего для науки пока не очевиден. Представляется, тем не менее, что источником этих изменений следует признать в большей степени частный бизнес, поэтому для формирования в России академического капитализма западного типа необходим соответствующий уровень развития экономики, которая будет предоставлять живой и насыщенный потребительским спросом рынок для наукоемких технологий, разрабатываемых в стенах университетов и НИИ. В заключение следует отметить, что сегодня модернизация российской науки осуществляется так же, как когда-то в истории (например, в период основания Академии

наук), административно-командными методами, что накладывает существенный отпечаток на результат проводимых преобразований [Копелевич, 1977]. В результате возникает административная вертикаль, для которой научный сотрудник оказывается не более чем низшим исполнительным звеном. В результате в такой системе координат даже либерализм представляется чем-то вроде государственного принуждения. Более действенным способом обеспечения научного лидерства на современном этапе развития общества было бы создание комфортных и благоприятных условий для научной работы, при которых исследовательские коллективы пользовались бы свободой действий. Однако для этого необходимо было бы перевернуть отношения между государством и учеными, сделав именно последних отправной точкой научной политики.

Литература

Биргер П. А., Дмитриев И. С., Курянов В. А., Шиповалова Л. В. Наука: испытание эффективностью / отв. ред. Л. В. Шиповалова. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016. 212 с.

Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

Гриффит В. Ч., Маллинз Н. Ч. Социальные группировки в развитии науки // Коммуникация в современной науке / ред. Э. М. Мирский, В. Н. Садовский. М.: Прогресс, 1976. С. 131–154.

Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных учреждений в Берлине // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX веков: Антология: учеб. пособие для вузов / сост. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 510–516.

Душина С. А., Хватова Т. Ю., Николаенко Г. А. Институциональные изменения в исследовательских университетах: проблема легитимации // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 3. С. 9–28.

Евлампиев И. И., Курянов В. А. Телеология против механицизма: две формы понимания общества и государства в русском либерализме // Философские науки. 2016. № 8. С. 124–137.

Зорькин В. Д. Справедливость — императив цивилизации права // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 5–14.

Иванов А. Е. Ученое достоинство Российской империи. XVII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с.

Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. 212 с.

Милль Дж. С. Основы политической экономии: в 3 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1981. 447 с.

Несветайлов Г. А. Больная наука в больном обществе // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 43–55.

Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 4: Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 2: Студенчество. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 464 с.

Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд-во ВШЭ, 2010. 304 с.

Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы / науч. ред. д-ра экон. наук А. Л. Кудрина, д-ра экон. наук С. Г. Синельникова-Мурьева]. Вып. 40. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 656 с.

Свешников А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. 406 с.

Шиповалова Л. В., Душина С. А. Эпистемологическое осмысление статуса научной публикации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 165–176.

Cantwell B., Slaughter S. Transatlantic Moves to the Market: the United States and the European Union // Higher Education. 2012. Vol. 63. № 5. P. 583–606.

Communication from the Commission to the Council of the European Union. Delivering on the Modernisation Agenda for Universities: Education, Research and Innovation. Brussels, 10.5.2006.

Côté J. E., Allahar A. L. Lowering Higher Education: The Rise of Corporate Universities and the Fall of Liberal Education. Toronto: University of Toronto Press. 2011. 256 p.

Edge D. O. The Sociology of Innovation in Modern Astronomy // Quarterly Journal of the Royal Astronomical Society. 1977. Vol. 18. P. 326–339.

European Policy Cooperation (ET 2020 framework). URL: https://ec.europa.eu/education/policies/european-policy-cooperation/et2020-framework_en (дата обращения: 30.08.2019).

Heinze T., Shapira P., Rogers J. D., Senker J. M. Organizational and Institutional Influences on Creativity in Scientific Research // Research Policy. 2009. № 38. P. 610–623.

Hermanowicz J. C. Universities, Academic Careers, and the Valorization of ‘Shiny Things’. The University Under Pressure / ed. E. P. Berman, C. Paradiise // Research in the Sociology of Organizations. Emerald Group Publishing Limited, 2016. Vol. 46. P. 303–328.

Jessop B. On Academic Capitalism // Critical Policy Studies. 2017. Vol. 12. Iss. 1. P. 104–109. DOI: 10.1080/19460171.2017.1403342

Khvatova T., Dushina S. To Manage or Govern? Researching the Legitimacy of NPM-based Institutional Reforms in Russian Universities // The Journal of Management Development. 2017. Т. 36. № 2. P. 250–267.

Law J. The Development of Specialties in Science: The Case of X-Ray Protein Crystallography // Science Studies. 1973. Vol. 3. № 3. P. 275–303.

Leydesdorf L., Etzkowitz H., Kushnir D. Globalization and Growth of the US University Patenting (2009–2014) // Industry and Higher Education. 2016. № 4. P. 257–266.

Lungeanu A., Contractor N. S. The Effects of Diversity and Network Ties on Innovations the Emergence of a New Scientific Field // American Behavioral Scientist. 2015. Vol. 59 (5). P. 548–564.

Mirowski P. Science-mart. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011. 454 p.

Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming the Public Sector. Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub, 1992. 420 p.

Park T. Academic Capitalism and its Impact on the American Professoriate // Journal of the Professoriate. 2012. Vol. 6 (1). P. 84–99.

Polanyi M. Foundations of Academic Freedom // Polanyi M. The Logic of Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1951. P. 32–48.

Price de S. D. Little Science, Big Science... and Beyond. New York: Columbia University Press, 1963.

Slaughter S., Leslie L. Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University. Baltimore: John Hopkins University Press, 1997. 276 p.

Slaughter S., Rhoades G. Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and the Higher Education. Baltimore: John Hopkins University Press, 2009. 384 p.

Slaughter S., Rhoades G. Academic Capitalism, Managed Professionals, and Supply Side. Higher Education // Social Text. 1997. № 51. P. 9–38.

Slaughter S., Rhoades G. The Emergence of a Competitiveness Research and Development Policy Coalition and the Commercialization of Academic Science and Technology // Science, Technology, & Human Values. 1996. Vol. 21. № 3. P. 303–339.

Slaughter S., Rhoades G. The Neo-liberal University // New Labor Forum. 2000. № 6. P. 73–79.

Stein. D. G. Buying in or Selling out? Commercialization of American University. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2004. 188 p.

Teich M. J. D. Bernal: the Historian and the Scientific-Technical Revolution // Interdisciplinary Science Reviews. 2008. Vol. 33. № 2. P. 135–139.

Tel F., Berggren C., Brusoni S., Van de Ven A. Knowledge Integration across Boundaries. Oxford: Oxford University Press, 2016. 320 p.

Ylijoki O.-H., Martilla L. Different Research Markets: a Disciplinary Perspective // Higher education. 2011. Vol. 62. № 6. P. 721–740.

Scientific Leadership in the Context of Academic Capitalism (Russian Perspective)

SVETLANA A. DUSHINA

St Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, RAS,
St Petersburg, Russia;
e-mail: sadushina@yandex.ru

ANNA V. KAMNEVA

St Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: kamnevanya@gmail.com

VIKTOR A. KUPRIYANOV

St Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, RAS,
St Petersburg, Russia;
e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

LADA V. SHIPOVALOVA

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia;
e-mail: l.shipovalova@spbu.ru

The article is devoted to the explication of the conditions conducive to competitiveness and academic leadership. The authors show that Russian academic milieu is characterized with the organizational isomorphism which appears to be the result of the state policy deliberately and coordinately implanting Western academic capitalism into Russian institutional context. The article presents explanation of the notion of “academic capitalism” meaning the “knowledge regime change” and explicates its practical realization expressed in change of the configuration “state — university — private business”. The results of such policy include diminishing of the state’s role in science management (deregulation) with the increasing of the role of the marketlike relations and social-economic mechanism of self-organization. The authors prove that the implementation of the academic capitalism originated within the Western academia into Russian institutional milieu has its own specificities determined with the high degree of centralization and hierarchal bureaucratic governance system in Russian academia. This system eliminates flexibility and diminish any sort of faculty initiative. The central focus of the article concerns the results of the new empirical studies which explicitly shows that the reform of the academia is accompanied by a range of negative consequences creating obstacles to the labor productivity and the competitiveness of the academic environment. The research proposes the analysis of the specificity of the Russian academic capitalism. On the one hand, the organizational bodies for the fostering smart economy are created, on the other hand, there is no merge of public

and private sector and, therefore, universities are not transformed into marketlike corporations with the state support (like in the USA). The conclusion of the article formulates the recommendations for the policies that foster competitiveness of the academic environment. The authors believe that to form Western-like academic capitalism a certain level of economic development is required as such economy would provide a market which is full of customer demand for sciencebased technologies developed within the walls of the universities and research institutes.

Keywords: academic capitalism, science policy, reforms in science, universities, science performance.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research grant No. 18-511-00009 Bel-a “Scientific leadership and the peculiarities of its transformations in the conditions of formation of innovative economy in post-Soviet countries (on examples of Russia and Belarus)”. The data are acquired thanks to the on-line survey made by the Center for Sociological and Internet Research of the SPSU.

References

- Birger, P.A., Dmitriev, I.S., Kuprijanov, V.A., Shipovalova, L.V. (2016). *Nauka: ispytaniye effektivnost'yu* [Science: Challenge by Effectiveness], L. V. Shipovalova (ed.), S.-Peterburg, Conflictology Development Foundation (in Russian).
- Cantwell, B., Slaughter, S. (2012) Transatlantic Moves to the Market: the United States and the European Union, *Higher Education*, vol. 63, no. 5, pp. 583–606.
- Communication from the Commission to the Council of the European Union. Delivering on the Modernisation Agenda for Universities: Education, Research and Innovation (2006). Brussels, 10.5.2006.
- Côté, J.E., Allahar, A.L. (2011). *Lowering Higher Education: The Rise of Corporate Universities and the Fall of Liberal Education*, Toronto: University of Toronto Press.
- Dushina, S.A., Khvatova, T.Y., Nicolaenko, G.A. (2015). Institutional'nye izmeneniya v issledovatel'skikh universitetakh: problema legitimatsii [Institutional Changes in the Research Universities: the Problem of Legitimation], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, vol. 6, no. 3, pp. 9–28 (in Russian).
- Edge D. O. (1977). The Sociology of Innovation in Modern Astronomy, *Quarterly Journal of the Royal Astronomical Society*, vol. 18, pp. 326–339.
- European Policy Cooperation (ET 2020 framework). Available at: https://ec.europa.eu/education/policies/european-policy-cooperation/et2020-framework_en (Date accessed 30.08.2019).
- Evlampiev, I.I., Kupriyanov, V.A. (2016). Teleologiya protiv mekhanicizma: dve formy ponimaniya obshchestva i gosudarstva v russkom liberalizme [Teleology against Mechanicism: Two Forms of Understanding of Society and State in the Russian Liberalism], *Filosofskie nauki*, no. 8, pp. 124–137 (in Russian).
- Griffith, B.C., Mullins, N.C. (1976). “Sotsial'nye gruppировки v razvitii nauki” [Coherent Social Groups in Scientific Change], in: E. M. Mirskiy, V. N. Sadovskiy (eds.), *Kommunikatsiya v sovremennoy nauke* [Communication in Modern Science], Moskva: Progress, pp. 131–155 (in Russian).
- Gumbol'dt V. fon (2011). “O vnutrenney i vneshney organizatsii vysshikh nauchnykh uchrezhdeniy v Berline” [«Concerning the internal and external organization of the higher scholarly institutions in Berlin», in: A. Y. Andreev, S. I. Posohov (eds.), *Universitetskaya ideya v Rossiyskoy imperii XVIII — nachala XX vekov: Antologiya: ucheb. posobie dlya vuzov* [University idea in Russian Empire from XVIIIth to XXth centuries: Anthology: manual for the higher schools], Moskva: ROSSPEN publ., pp. 510–516 (in Russian).

Heinze, T., Shapira, P., Rogers, J.D., Senker, J.M. (2009). Organizational and Institutional Influences on Creativity in Scientific Research, *Research Policy*, no. 38, pp. 610–623.

Hermanowicz, J.C. (2016). “Universities, Academic Careers, and the Valorization of ‘Shiny Things’”. The University Under Pressure”, in: E. P. Berman, C. Paradeise (eds.), *Research in the Sociology of Organizations*, vol. 46, Emerald Group Publishing Limited, pp. 303–328.

Ivanov, A.E. (2016). *Uchyonoye dostoinstvo Rossiyskoy imperii. XVII — nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavateley vysshey shkoly* [Scientific Dignity in the Russian Empire. 18th to Early 20th Century. Training and Qualifying Professors and Higher School Teachers], Moskva: Novyy khronograf (in Russian).

Jessop, B. (2017). On Academic Capitalism, *Critical Policy Studies*, vol. 12, iss. 1, pp. 104–109. DOI: 10.1080/19460171.2017.1403342

Khvatova, T., Dushina, S. (2017). To Manage or Govern? Researching the Legitimacy of NPM-based Institutional Reforms in Russian Universities, *The Journal of Management Development*, vol. 36, no. 2, pp. 250–267.

Kopelevich, Yu. Kh. (1973) V dni osnovaniya [In the Days of Foundation], *Vestnik Akademii nauk SSSR*, no. 10, pp. 121–132 (in Russian).

Law, J. (1973). The Development of Specialties in Science: The Case of X-Ray Protein Crystallography, *Science Studies*, vol. 3, no. 3. pp. 275–303.

Leydesdorf, L., Etkowitz, H., Kushnir, D. (2016). Globalization and Growth of the US University Patenting (2009–2014), *Industry and Higher Education*, no. 4, pp. 257–266.

Lungeanu, A., Contractor, N.S. (2015). The Effects of Diversity and Network Ties on Innovations the Emergence of a New Scientific Field, *American Behavioral Scientist*, vol. 59, no. 5, pp. 548–564.

Mill, J.S. (1981). *Osnovy politicheskoy ekonomii* [Elements of political Economy], t. 3, Moskva: Progress (in Russian).

Mirowski, P. (2011). *Science-mart*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Nesvetajlov, G.A. (1990). Bol'naya nauka v bol'nom obshchestve [Ill science in ill society], *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 11, pp. 43–55 (in Russian).

Osborne, D., Gaebler T. (1992). *Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit Is Transforming the Public Sector*, Reading, Mass: Addison-Wesley Pub.

Park, T. (2012). Academic Capitalism and Its Impact on the American Professoriate, *Journal of the Professoriate*, vol. 6, no. 1, pp. 84–99.

Petrov, F.A. (2003). *Formirovaniye sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii. Tom 4: Rossiyskiye universitety i lyudi 1840-h godov. Chast' 2: Studenchesvo* [The formation of the system of the university education in Russia. Vol. 4: Russian universities and people in 1840s. Part 2: Students.], Moskva: MSU Press (in Russian).

Polanyi, M. (1951). “Foundations of Academic Freedom”, in: Polanyi M., *The Logic of Liberty*, Chicago: University of Chicago Press, pp. 32–48.

Price de S.D. (1963). *Little Science, Big Science*. New York: Columbia University Press.

Readings, B. (2010). *Universitet v ruinakh* [The university in Ruins], Moskva: HSE Publishing House (in Russian).

Rossiyskaya ekonomika v 2018 godu. Tendentsii i perspektivy (2019) [Russian economy in 2018. Trends and outlooks. Issue 40], V. Mau (ed.), Moskva: Gaidar Institute Press (in Russian).

Shipovalova, L.V., Dushina, S.A. (2018). Epistemologicheskoye osmysleniye statusa nauchnoy publikatsii [Epistemological consideration of the status of scientific publication], *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta, Filosofiya i konfliktologiya*, vol. 34, no. 2, pp. 165–176 (in Russian).

Slaughter, S., Leslie, L. (1977). *Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University*, Baltimore: John Hopkins University Press.

Slaughter, S., Rhoades, G. (2009). *Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and the Higher Education*, Baltimore: John Hopkins University Press.

Slaughter, S., Rhoades, G. (1997). Academic Capitalism, Managed Professionals, and Supply Side. Higher Education, *Social Text*, no. 51, pp. 9–38.

Slaughter, S., Rhoades, G. (1996). The Emergence of a Competitiveness Research and Development Policy Coalition and the Commercialization of Academic Science and Technology, *Science, Technology, & Human Values*, vol. 21, no. 3, pp. 303–339.

Slaughter, S., Rhoades, G. (2000). The Neo-liberal University, *New Labor Forum*, no. 6, pp. 73–79.

Stein, D.G. (2004). *Buying in or Selling out? Commercialization of American University*, New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 188 p.

Sveshnikov, A.V. (2010). *Peterburgskaya shkola medievistov nachala XX veka. Popytka antropologicheskogo analiza nauchnogo soobshchestva* [The Saint-Petersburg school of medieval studies: an attempt of the anthropological analysis of scientific community], OSU Press (in Russian).

Teich, M. (2008). J. D. Bernal: the Historian and the Scientific-Technical Revolution, *Interdisciplinary Science Reviews*, vol. 33, no. 2, pp. 135–139.

Tel, F., Berggren C., Brusoni S., Van de Ven A. (2016). *Knowledge Integration across Boundaries*, Oxford: Oxford University Press, 320 p.

Weber, M. (1990). “Nauka kak prizvaniye i professiya” [Science as a Vocation], in: Weber, M., *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Moskva: Progress, pp.707–735 (in Russian).

Ylijoki, O.-H., Martilla, L. (2011). Different Research Markets: a Disciplinary Perspective, *Higher Education*, vol. 62, no. 6, pp. 721–740.

Zorkin, V. (2019). Spravedlivost’ — imperativ tsvivilizatsii prava [Justice — Imperative of the Civilisation of Law], *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 5–14 (in Russian).